

Фюстель де Куланж

ДРЕВНИЙ ГОРОД

РЕЛИГИЯ, ЗАКОНЫ,
ИНСТИТУТЫ ГРЕЦИИ И РИМА

Фюстель де Куланж

**Древний город. Религия, законы,
институты Греции и Рима**

«Центрполиграф»

де Куланж Ф.

Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Ф. де Куланж — «Центрполиграф»,

Книга известного французского историка Фюстеля де Куланжа посвящена истории древних цивилизаций. Свое исследование автор начинает с изучения религии древних. По его мнению, «верования о душе и смерти» лежат в основе всех обычаев, обрядов, самого образа жизни древнего человека. Анализируя взаимоотношения между религией, законами и общественными институтами, Куланж пришел к выводу, что все более или менее значительные изменения в общественной жизни Греции и Рима были обусловлены изменениями, происходящими в сфере религиозных верований.

Содержание

Введение	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Часть вторая	23
Глава 1	23
Глава 2	25
Глава 3	29
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фюстель де Куланж

Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима

Введение

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ВЕРОВАНИЙ НАРОДОВ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ИХ ИНСТИТУТОВ

В этой книге мы рассматриваем те принципы и правила, на которых основывалось управление греческим и римским обществом. В этом исследовании мы объединили греков и римлян по той причине, что оба этих народа, принадлежавшие к одной расе, говорившие на наречиях, развившихся из общего языка, имели схожие институты и принципы управления и прошли через ряд похожих переворотов.

Мы попытаемся разобраться в существенных различиях между древними и современными народами. Современная система воспитания и образования с детства погружает нас в среду греков и римлян и приучает сравнивать их с собой, судить об их истории по истории собственной, объяснять наши революции их переворотами. То, что мы получили от них, заставляет нас думать, что мы с ними похожи. Нам трудно относиться к ним как к чуждым для нас народам; мы почти всегда видим в них самих себя. Отсюда множество заблуждений. Мы допустим ошибку, если станем рассматривать древние народы, опираясь на взгляды и реалии нашего времени.

Подобная ошибка крайне опасна. Современные исследователи часто шли именно по этому пути. Имея скудные сведения об институтах древнего города, они задались целью воссоздать их в современных условиях. Ошибка в понимании свободы у древних привела к тому, что в опасности оказалась свобода современных народов. Последние восемьдесят лет нашей истории наглядно показали, каким препятствием на пути развития современного общества является привычка смотреть на все глазами древних римлян и греков.

Для того чтобы составить правильное представление о древних греках и римлянах, следует изучать их, не сравнивая с собой, словно они абсолютно чуждые нам народы, с той же беспристрастностью и отстраненностью, с какой мы изучаем историю народов Древней Индии или Аравии.

Если мы последуем этому правилу, изучая историю Греции и Рима, то поймем, что ни одно государство, ни в наши дни, ни в будущем, не окажется похожим на эти неповторимые государства. Мы постараемся показать, какие принципы были заложены в управление этими обществами, и сразу же станет ясно, что данный механизм уже никогда не будет использован для управления человечеством.

Откуда такая уверенность? Почему принципы управления людьми в современном мире отличаются от тех, что существовали в древние времена? Перемены, которые время от времени происходят в общественном строе, не являются просто делом случая или результатом применения силы.

Причина изменений всегда кроется в самом человеке. Если законы человеческого общества теперь не те, что были в древности, значит, что-то изменилось в самом человеке. Действительно, из века в век развиваются наши умственные способности, а в силу этого подвергаются изменениям институты и законы. У современного человека другое мышление, чем у его

предка, жившего двадцать пять веков назад, а потому им уже невозможно управлять так, как управляли человеком в древности.

История Греции и Рима свидетельствует о тесной связи, которая всегда существует между интеллектуальным уровнем народа и социальным строем его общества. Если изучать институты древних народов, не задумываясь об их религиозных взглядах, они покажутся непонятными, странными и необъяснимыми. Что еще за патриции и плебеи, патроны и клиенты, эвпатриды и феты; откуда появились неизгладимые родовые различия между этими классами?

Какой смысл в институтах лакедемонян, которые представляются нам столь противостественными? Как объяснить несправедливость древнего частного права; запрет на продажу земли в Коринфе и Фивах; неравенство в наследовании между братом и сестрой в Афинах и Риме? Что именно древние юристы понимали под агнацией и родом? По какой причине произошли перевороты в праве и политические перевороты? Что представлял собой тот ни на что не похожий патриотизм, заставлявший забывать естественные чувства? Что понималось под свободой, о которой постоянно говорили? Как случилось, что институты, столь отличные от современного понимания, могли возникнуть и господствовать столь долгое время? Какая высшая сила дала им власть над умами?

Но стоит рассмотреть эти институты и законы вместе с верованиями, как сразу все становится объяснимо. Если вернуться в первые века существования этих племен, то есть в то время, когда сформировались эти институты, выяснить, какие представления сложились у человека о жизни, смерти, будущей жизни, то мы сразу увидим тесную связь между этими представлениями и древними нормами частного права, между обрядами, вытекающими из этих представлений, и политическими институтами.

Сопоставление верований и законов показывает, что древняя религия создала римскую и греческую семью, учредила брак и власть отца, установила степени родства и освятила право собственности и наследования. Та же самая религия, увеличив семью, создала более многочисленное сообщество – общину, город, где продолжала господствовать так же, как и в семье. Все древние институты и древнее частное право основаны на религии. От нее город получил правила, обычаи, форму правления, магистратов. Но со временем древние верования изменились и исчезли, а вместе с ними изменились политические институты и частное право. Последовал ряд переворотов; развитие умственной деятельности всегда приводило к социальным преобразованиям.

Следовательно, в первую очередь нужно изучить верования этих народов, особенно важно узнать древнейшие верования, поскольку институты и верования, которые мы находим в период расцвета Греции и Рима, всего лишь результат развития древнейших институтов и верований, и их корни следует искать в весьма отдаленном прошлом. Греческие и итальянские племена появились за много веков до Ромула и Гомера. В древнейшую эпоху, в незапамятные времена сформировались их верования и появились их институты.

Но есть ли надежда получить сведения об этом отдаленном прошлом? Кто может сказать, о чем думали люди, жившие за десять или пятнадцать веков до нашей эры? Можно ли восстановить то, что столь неуловимо и мимолетно, – взгляды и верования? Мы знаем, о чем думали восточные арийцы тридцать пять веков назад; мы узнали об этом из гимнов Вед¹, которые, безусловно, являются очень древними, и из законов Ману, в которых есть места, относящиеся к очень отдаленной эпохе. Но где гимны древних греков? У греков, как и у итальянцев, были древние гимны и древние священные книги, но они не дошли до нас. Что мы можем узнать о поколениях, не оставивших ни одной написанной строки?

---

¹ Веды («знание», «учение») – сборник самых древних священных писаний индуизма на санскрите. На протяжении многих веков Веды передавались устно в стихотворной форме и только гораздо позднее были записаны. Индуистская традиция считает Веды не сотворенными человеком вечными богооткровенными писаниями, которые были даны человечеству через посредство святых мудрецов. Существуют четыре Веды: Веда гимнов, Веда жертвенных формул, Веда песнопений, Веда заклинаний.

К счастью, прошлое никогда не исчезает полностью. Человек может забыть его, но оно остается в нем, поскольку в любую эпоху человек является результатом, воплощением всех предшествующих эпох. Если он заглянет в свою душу, то сможет найти там эти различные эпохи, каждая из которых оставила в его душе свой след.

Посмотрим на греков времен Перикла и римлян времен Цицерона; они сохранили в себе явные следы отдаленных веков. Современник Цицерона (в особенности простой человек) знал великое множество легенд; эти легенды дошли до него из глубокой древности и являются свидетельством образа мыслей того времени. Современник Цицерона говорит на языке, корни которого были очень древними; этот язык, выражая мысли древних веков, сложился в соответствии с духом того времени и сохранил своеобразие, которое передавалось из века в век. Первоначальный смысл иногда может раскрыть древние взгляды или обычаи. Изменились воззрения, исчезли воспоминания о них, но остались слова – неизменные свидетели исчезнувших верований.

Современник Цицерона совершал обряды во время жертвоприношений и брачных церемоний; эти обряды пришли к нему из древности, и доказательством этому служит тот факт, что они не соответствовали его верованиям. Но если мы внимательно изучим совершаемые им обряды и произносимые им формулы, то найдем следы того, во что верили люди пятнадцатью или двадцатью веками ранее.

Часть первая ДРЕВНИЕ ВЕРОВАНИЯ

Глава 1 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И СМЕРТИ

Вплоть до последних времен истории Греции и Рима в простонародной среде сохранялись взгляды и обычаи, уходящие корнями в далекое прошлое, которые дают нам возможность понять, какие представления складывались у человека относительно собственной природы, души и таинства смерти.

Заглянув насколько возможно дальше в историю индоевропейской расы, к которой относятся греческие и итальянские народы, мы обнаружим, что ни у одного из народов, относившихся к этой расе, не было и тени сомнения в том, что человеку уготована не одна лишь короткая земная жизнь. С древнейших времен, задолго до появления философов, люди верили в следующую жизнь – новую жизнь после смерти. Они рассматривали смерть не как конец существования, а как изменение формы жизни.

Но где и каким образом проходила эта вторая жизнь? Может, они считали, что бессмертный дух, однажды покинув одно тело, переходит в другое, чтобы оживить его? Нет, вера в метемпсихоз² никогда не укоренялась в умах греко-италийских народов и не являлась древнейшей верой восточных арийцев: гимны Вед пропагандируют другое учение.

Может, они верили в то, что дух восходит к небесам, к области света? Вовсе нет; мысль о том, что душа отправляется в небесное жилище, появилась на Западе сравнительно недавно; впервые ее высказал греческий поэт Фосилид. Пребывание на небесах рассматривалось исключительно как вознаграждение нескольким великим людям и благодетелям человечества. Согласно древнейшим верованиям итальянцев и греков, тот мир, в котором душа проводила свою вторую жизнь, не чужероден этому миру; душа оставалась рядом с людьми и продолжала жить под землей.

Кроме того, долгое время сохранялась вера в то, что во второй жизни душа оставалась связанной с телом; они вместе появлялись на свет, и смерть не разделяла их – они вместе покоились в могиле.

Какими бы древними ни были эти верования, до нас дошли достоверные свидетельства, подтверждающие их. Этими свидетельствами являются погребальные обряды, которые, возникнув вместе с верованиями, намного их пережили. Эти обряды дают нам возможность разобраться в древних верованиях.

Погребальные обряды явно свидетельствуют о том, что при захоронении тела древние люди верили, что вместе с телом хоронят нечто живое. Вергилий, всегда подробно и детально описывавший религиозные церемонии, заканчивает рассказ о погребении Полидора такими словами: «Мы заключаем душу в могилу». Подобное выражение встречается у Овидия и Плиния Младшего; это не означает, что оно соответствовало представлениям этих авторов о душе, но это выражение, сохранившееся с незапамятных времен, свидетельствует о древних, общепринятых верованиях³.

---

² Метемпсихоз – переселение душ, религиозно-мифологическое представление о перевоплощении души после смерти тела в новое тело какого-либо растения, животного, человека, божества. (Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.)

³ Описание Вергилия относится к обычаю использовать кенотафы; в тех случаях, когда не представлялось возможным

Существовал обычай по окончании погребальной церемонии трижды призвать душу усопшего, произнося имя, которым он был наречен при рождении. Усопшему желали счастливой жизни под землей. Трижды повторяли: «Будь счастлив» и добавляли: «Пусть земля тебе будет пухом». Они твердо верили, что человек продолжает жить под землей и там по-прежнему испытывает радость и страдание. На надгробии писали, что здесь покоится человек – высказывание, пережившее эту веру и через столетия дошедшее до наших дней. Мы употребляем его, хотя сегодня никто, конечно, не считает, что в могиле покоится бессмертный. Но в те давние времена люди были настолько уверены, что усопший продолжает жить под землей, что никогда не забывали положить в могилу предметы, которые могли понадобиться ему в новой жизни, – одежду, посуду, оружие. Рядом с могилой ставили кувшин с вином, чтобы он мог утолить жажду; оставляли пищу для утоления голода. Убивали рабов и лошадей с верой в то, что, похороненные вместе с усопшим, они будут служить ему и дальше, как служили при жизни. После взятия Трои, собираясь в обратный путь на родину, каждый грек берет с собой прекрасную пленницу, и Ахилл, лежащий под землей, тоже требует отдать ему пленницу, и ему отдают Поликсену.⁴

Поэзия Пиндара⁵ сохранила для нас доказательства воззрений людей тех древних времен.

Фрикс, спасаясь от преследований мачехи, покинул Грецию и добрался до Колхиды. Он умер в далекой Колхиде, но, даже будучи умершим, по-прежнему стремился вернуться в Грецию. Фрикс во сне явился Пелиасу, приказал отправиться в Колхиду и вернуть на родину его, Фрикса, душу. Его душа, конечно, тосковала по родной стране, по фамильной усыпальнице, но, прикованная к плотским останкам, не могла без них покинуть Колхиду.

Эта примитивная вера обусловила появление обряда погребения. Для того чтобы душа могла оставаться в подобающем виде для проведения следующей жизни в подземном обиталище, тело, с которым она была связана, тоже следовало предать земле. Душа, лишенная могилы, не имела пристанища. Она становилась блуждающим духом. Тщетно искала она желанного покоя, к которому стремилась после жизненных трудов и волнений. Ей суждено было вечно скитаться в образе призрака, не получая столь необходимых ей подношений, напитков и пищи. Обреченная на вечные скитания, она вскоре превращалась в злой дух. Она издевалась над живыми; насылала болезни; уничтожала урожай; пугала внезапными появлениями, и все это только ради того, чтобы внушить живым мысль о необходимости погребения ее тела и ее самой. Отсюда появилась вера в привидения. В древности все люди были убеждены, что блуждающая душа испытывает страдания, а погребение сделает ее счастливой. Похоронная церемония проводилась не ради того, чтобы предаваться печали, а ради вечного покоя и счастья усопшего.

Однако следует отметить, что одного предания тела земле было недостаточно. Следовало соблюсти необходимые обряды и произнести соответствующие заклинания. У Плавта⁶ есть

отыскать тело умершего, родственники могли совершить церемонию, в точности воспроизводящую обряд погребения; люди верили, что в этом случае, в отсутствие тела, они заключают в могилу душу.

⁴ Согласно одним источникам, Поликсену закололи на могиле Ахилла, согласно другим – греки принесли пленную Поликсену в жертву над кенотафом Ахилла, устроенным на фракийском берегу. Существует версия, что она покончила с собой на могиле Ахилла еще до взятия Трои.

⁵ Пиндар – древнегреческий поэт-лирик. Произведения Пиндара относятся к песнопениям религиозного и торжественного содержания, которые исполнялись хором на празднествах; это были гимны богам, писавшиеся на заказ дифирамбы, эпиникии (хоровые победные оды с музыкой и пляской в честь победителей на общегреческих играх). Слава Пиндара в Греции была так велика, что даже спустя сто лет, когда Александр Македонский покорил восставшие Фивы, он, приказав разрушить город до основания, повелел сохранить только храмы богов и дом Пиндара. Эпиникии Пиндара существенно повлияли на развитие жанра оды в европейской литературе.

⁶ Плавт Тит Макций – выдающийся римский комедиограф, мастер паллиаты (название древнеримской так называемой комедии плаща, в которой актеры выступали в греческой одежде). Римляне противопоставляли паллиате так называемую комедию тоги, тогату.

история о таком призраке – душе, вынужденной блуждать по свету, поскольку ее тело было предано земле без соблюдения необходимых обрядов.

Светоний⁷ рассказывает, что тело Калигулы было предано земле без совершения погребальных церемоний, поэтому его душа скиталась по свету, являясь живой, пока не было, наконец, принято решение о перезахоронении Калигулы, но уже с соблюдением необходимых обрядов.

Эти два примера ясно показывают, какое значение придавалось обрядам и заклинаниям при выполнении погребальной церемонии. Без них души продолжали скитаться и являться к живым, а с ними души поселялись в могилах. Но у древних, наряду с заклинаниями, способными удержать душу в могиле, были заклинания, наделенные противоположной силой. Они вызывали души умерших, заставляя их на какое-то время выходить из могилы.

В произведениях древних авторов явственно проступает терзавший человека страх, что после его смерти при захоронении не будут выполнены все необходимые обряды; это был источник постоянного беспокойства. Люди боялись не столько смерти, сколько того, что будут лишены необходимой церемонии похорон, а значит, под угрозой окажется их покой и вечное благоденствие. Не стоит слишком удивляться афинянам, казнившим своих полководцев после одержанной победы в морском сражении за то, что те пренебрегли погребением павших в сражении. Эти полководцы, ученики философов, уже ясно видели разницу между душой и телом и, поскольку не считали, что их участи взаимосвязаны, не видели особой разницы в том, где будет разлагаться труп – в земле или в воде. Надвигался шторм, и они не желали подвергать опасности живых только ради выполнения пустой формальности – подобрать всех погибших, чтобы похоронить их в земле. Но народ, даже в Афинах, продолжавший исповедовать древние верования, обвинил полководцев в нечестивости и осудил на смерть. Они одержали победу и спасли Афины, но пренебрегли древними законами и погубили тысячи душ. Родственники погибших, думая о вечных муках, на которые обречены души их погибших родных, явились в суд в траурных одеждах, требуя отмищения. В древних городах закон был суров в отношении особо тяжких преступлений, и лишить преступника погребения считалось самым страшным наказанием. В этом случае душа обрекалась на вечные муки.

Следует отметить, что среди древних народов существовало и другое мнение о местопребывании усопших. Они представляли пространство, тоже подземное, но несравненно большее, чем могила, где вместе находились все души, вдали от своих тел, и где воздаяния распределялись сообразно тому образу жизни, который люди вели на земле. Но обряды погребения, о которых мы только что говорили, не согласуются с этим верованием; во времена, когда установились эти обряды, люди еще не верили ни в Тартар, ни в элизиум – загробный мир блаженства. В глубокой древности изначально бытовало мнение, что человек продолжает жить в могиле и душа не расстается с телом, оставаясь прикованной к той части земли, где зарыты кости. Кроме того, от человека не требовалось никакого отчета о прожитой жизни. Погребенный в могилу, он не ждал ни наград, ни наказаний. Представление, безусловно, незрелое, но оно лежало в основе будущего понятия о загробной жизни.

Человеческих слабостей живший под землей не чуждался, а поэтому в определенные дни года на могилу приносили пищу и напитки. Овидий и Вергилий дают описание этой церемонии, сохранившейся до их времен, несмотря на то что верования уже подверглись серьезным изменениям. По их рассказам, могилу окружали большие венки из трав и цветов; на могиле раскладывали хлеб, фрукты, могила поливалась молоком, вином, а иногда даже жертвенной кровью.

---

⁷ Светоний Гай Транквилл – римский писатель, историк и ученый-энциклопедист, живший приблизительно между 75 и 160 годами н. э.

Мы сильно ошибаемся, если думаем, что эти подношения являлись не чем иным, как своего рода поминовением усопших. Пища, которую родственники приносили на могилу, предназначалась только для умершего, исключительно для него одного. Доказательством служит тот факт, что вино или молоко выливалось на могилу; для твердой пищи в земле выкапывали отверстие, через которое она могла попасть к усопшему; если приносили жертву, то сжигали целиком, чтобы никто из живых не мог ее отведать; произносили специальные священные слова, приглашая умершего отведать пищи и напитков; никто из родственников не притрагивался ни к еде, ни к питью, а уходя, обязательно оставляли на могиле сосуды с молоком и хлеб. Живые не имели права притрагиваться к подношениям, предназначенным для усопшего, дабы не осквернять его память.

Эти обычаи нашли отражение в произведениях древних авторов. «Я лью на могилу, – говорит Ифигения у Еврипида, – молоко, мед, вино, потому что все это радует мертвых». У греков перед каждой могилой было специальное место для приношения жертвы и приготовления ее плоти. Составной частью римской могилы была *culina* – кухня, в которой специально готовилась пища для подземного обитателя. Плутарх пишет, что после битвы при Платеях погибших воинов похоронили на поле битвы, и ежегодно платейцы совершали жертвоприношения грекам, павшим и похороненным у стен их города. Плутарх присутствовал на шестисотой годовщине этого события и оставил подробное описание совершаемого обряда. «На заре устраивается процессия; во главе ее идет трубач, играющий сигнал «к бою», за ним следуют повозки, доверху нагруженные венками и миртовыми ветвями, черный бык и свободнорожденные юноши, несущие в амфорах вино и молоко для возлияния и кувшины с маслом и благовониями. Замыкает шествие архонт Платей; в иное время ему запрещено прикасаться к железу и носить какую бы то ни было одежду, кроме белой, но в этот день, облаченный в пурпурный хитон, с мечом в руке, он берет в хранилище грамот сосуд для воды и через весь город направляется к могилам. Зачерпнув воду из источника, он сам обмывает надгробные камни и мажет их благовониями, потом, заколов быка и ввергнув его в костер, обращается с молитвой к Зевсу и Гермесу Подземному и призывает храбрых мужей, погибших за Грецию, на пир и кровавые возлияния. Затем он разбавляет в кратере вино и выливает его со словами: «Пью за мужей, которые пали за свободу Греции». Этот обычай платейцы соблюдают и по сей день»⁸.

Позже древнегреческий писатель-сатирик Лукиан, подвергавший осмеянию все области тогдашней жизни и мысли, высмеивал и этот обычай, глубоко укоренившийся в сознании народа. «Умершие, – пишет Лукиан, – едят кушанья, которые мы ставим на их могилах, и пьют вино, которое мы выливаем на могилы; таким образом, умерший, которому никто не делает приношений, осужден на вечный голод».

Эти древнейшие верования кажутся необоснованными и нелепыми, однако на протяжении долгих лет они оказывали огромное влияние на человека. Они господствовали в умах, а позже мы увидим, что они даже управляли обществом и явились основой большинства домашних и социальных институтов древности.

---

⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. (Пер. С.П. Маркиша.)

Глава 2

КУЛЬТ МЕРТВЫХ

Верования, связанные с этим культом, заложили основы определенных правил поведения. Усопшие нуждались в пище и питье, и обязанность живых заключалась в удовлетворении этих потребностей. Это была святая обязанность, на которую не могли повлиять ни изменившиеся обстоятельства, ни изменчивые чувства людей. Так сложилась религия, связанная с культом мертвых, догматы которой давно исчезли из памяти, но обряды сохранялись вплоть до полного торжества христианства. Умершие считались существами сверхчеловеческими и божественными. Древние наделяли их самыми почтительными эпитетами, называя добрыми, святыми, блаженными. Они питали к ним все благоговение, которое только способен испытывать человек по отношению к божеству, вызывающему в нем любовь или страх. Живые считали, что каждый умерший был богом.

Обожествление не являлось привилегией выдающихся людей; между усопшими не делалось различия. Цицерон пишет: «Наши предки повелели причислять к богам тех, кто ушел из нашей жизни». Для этого было вовсе не обязательно быть добродетельным человеком; богом становились и добрые, и злые, но в следующей жизни человек сохранял все наклонности, добрые и злые привычки, все страсти, которые были свойственны ему в земной жизни.

Греки называли умерших подземными богами. У Эсхила сын обращается к умершему отцу: «О ты, ставший богом под землей». Еврипид, рассказывая об Алкесте, говорит: «Так иной промолвит путник: «Умерла она за мужа, а теперь среди блаженных и сама богиней стала»⁹.

Римляне называли умерших богами-манами. «Воздайте должное богам-манам, – пишет Цицерон, – это люди, которые покинули жизнь; считайте их за божественные существа».

Могилы были храмами этих божеств, поэтому на них была священная надпись: *Dis Manibus*. По словам Вергилия, там, под землей, обитал погребенный бог. Перед могилами стояли алтари для жертвоприношений, как и перед храмами богов.

Этот культ мертвых мы находим у эллинов, сабинян, латинов, этрусков и даже у ариев в Индии. О нем упоминается в гимнах Ригведы. Книга «Законов Ману» говорит о культе мертвых как о древнейшем культе в истории человечества. Представление о «переселении душ» возникло одновременно с появлением первых погребальных ритуалов еще до появления брахманизма. Составители «Законов Ману» не могли обойти вниманием учение о душах умерших предков и внесли правила древней религии в священную книгу. Своеобразие этой необычной книги заключается в том, что она закрепила своим содержанием нормы, касавшиеся древних верований, тогда как она составлялась во времена господства совершенно противоположных верований. Это ли не доказательство того, что если на изменение верований требуется много времени, то еще больше времени необходимо на изменение внешних проявлений и правил, продиктованных этими древними верованиями. Даже в наши дни, по прошествии стольких веков и переворотов, индусы продолжают приносить жертвы предкам. У индоевропейской расы нет ничего древнее и устойчивее этих идей и обрядов. В Греции и Италии культ был таким же, как в Индии. Индус совершал церемонию, называемую шраддха. Ежедневные шраддха состояли в принесении умершим предкам вареного риса, молока, корней, плодов, воды.

Индус верил, что во время совершения шраддха появлялись маны умерших предков, садились рядом и принимали пищу, которую он им приносил. Кроме того, он верил, что умершие получают большое наслаждение от этой трапезы. Согласно «Законам Ману», когда шрад-

---

⁹ Еврипид. Алкеста. (Пер. И. Анненского.)

дха совершается согласно обрядам, предки того, кто совершает шраддха, испытывают полное удовлетворение.

Вначале восточные арии имели те же представления о судьбе человека после смерти, как и западные арии. До появления веры в переселение душ, которая предполагала абсолютное различие между душой и телом, они верили в некое неопределенное существование человека, невидимого, но материального, а потому нуждающегося в пище.

Индус, как и грек, считал умершего божественным существом, наслаждающимся блаженным существованием, но счастье умерших полностью зависело от соблюдения одного условия – живые должны были регулярно обеспечивать умерших пищей. Если живые перестали совершать шраддха, то душа покидала свое жилище, превращалась в блуждающий дух и причиняла страдания живым. Таким образом, маны были богами только до тех пор, пока живые совершали обряды и поклонялись им.

Такие же представления были у греков и римлян. Если умерший лишался подношений, он немедленно покидал могилу, становился блуждающим духом, и в ночной тишине слышались его стоны. Он упрекал живых в несоблюдении ритуалов, стремился наказать их, насылая болезни и поражая бесплодием землю. Одним словом, он не давал живым покоя до тех пор, пока они не начинали опять приносить подношения на могилу. Жертвоприношения возвращали блуждающий дух в могилу, возвращали ему покой и божественные свойства. Между человеком и усопшим восстанавливался мир¹⁰.

Если об усопшем забывали, он становился злым духом, в то время как почитаемый покойник делался богом-покровителем. Он любил тех, кто приносил ему пищу. Он продолжал принимать участие в делах живых, защищал их и зачастую играл важную роль. Он, хотя и умерший, знал, как быть сильным и деятельным. К нему обращались с просьбами, просили поддержки, добивались расположения. Встречая на пути могилы, останавливались и говорили: «Подземный бог, будь милостив ко мне».

О могуществе, приписываемом древними народами умершим, можно судить по молитве, с которой Электра обращается к душе своего отца: «Сжался надо мной и над моим братом Орестом; верни его в эту страну, услышь мою молитву, о мой отец, удовлетвори мои просьбы, принимая эти подношения». Судя по следующим словам Электры, эти могущественные боже-ства оказывали не только материальную поддержку: «Не дай мне сделаться такой, какова моя мать; сохрани в смирении мое сердце, в чистоте мои руки». Так и индус просил манов о том, чтобы в его семье увеличилось число хороших людей, которые бы заботились об умерших.

Эти человеческие души, возводимые после смерти в ранг божества, назывались у греков демонами. Латины называли их ларвами, манами, гениями. Апулей говорит, что наши предки думали, что «люди становятся ларами, если жили добродетельно; лемурами, или ларвами, если жили порочно; богами же манами называются те, о которых с точностью неизвестно, были ли они добродетельны или порочны»¹¹.

В другом месте находим: «Наши предки считали, что гений и лар одно и то же существо», а по словам Цицерона, «тех, кого греки называют демонами, мы называем ларами».

Религия мертвых является, по всей видимости, самой древней из всех верований человеческой расы. Люди обожествили умерших до того, как создали и возвеличили Индру и Зевса. Умершие внушали им страх, они обращались к ним с молитвами. Возможно, тогда и зародилось религиозное чувство. При виде смерти у человека впервые мелькнула мысль о сверхъестественном и появилась надежда на то, что находилось вне пределов видимого. Смерть стала

¹⁰ У Эсхила Клитемнестра, увидев зловещий сон и испугавшись, что мана (душа) Агамемнона гневается на нее, спешит отправить рабынь с подношениями на могилу мужа. (Примеч. авт.)

¹¹ Блаженный Августин. О граде Божьем.

первой тайной, указавшей человеку путь к другим тайнам. Она переключила его мысли с видимого на невидимое, с преходящего на вечное, от смертного к божественному.

Глава 3

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

В доме каждого грека и римлянина был алтарь, на котором обязательно лежало несколько горячих углей и кучка золы¹².

Для хозяина дома поддержание днем и ночью огня было священной обязанностью. Горе тому дому, где он погаснет! Каждый вечер угли покрывались золой, чтобы сохранить их тлеющими до утра. Проснувшись, каждый прежде всего старался оживить этот огонь, подложив сухие щепки. Огонь на алтаре переставал гореть только тогда, когда погибала вся семья; угасший очаг и угасшая семья – у древних эти выражения были синонимами.

Не вызывает сомнений, что обычай поддержания неугасимого огня на алтаре соответствовал какому-то древнему верованию. Правила и обряды, связанные с этим обычаем, показывают, что этому обычаю придавалось большое значение. Не все породы деревьев разрешалось использовать для поддержания огня; различались породы деревьев, предназначенные для этой цели, и «нечестивые» породы деревьев.

Существовало требование, согласно которому огонь всегда должен оставаться чистым; в буквальном смысле это означало, что в него нельзя бросать ничего грязного, а в переносном – что перед этим огнем нельзя совершать никаких недостойных дел. Один день в году – у римлян это было 1 марта – каждая семья должна была погасить священный огонь и сразу же зажечь новый. Получение нового огня было связано с точным соблюдением соответствующего обряда. Особо подчеркивалось, что для получения огня нельзя использовать кремень и железо; искры, высекаемые при ударах железа о кремень, не давали «чистого» огня. Священный огонь зажигался только от сфокусированных солнечных лучей. Кроме того, разрешалось получать огонь посредством трения двух кусочков специальных пород дерева. Требования к исполнению ритуала достаточно ясно доказывают, что это был не просто процесс добывания и сохранения приносящего пользу и радость огня; древние люди видели в огне, горящем на алтаре, нечто особенное.

Этот огонь был чем-то вроде божества; ему поклонялись, создав самый настоящий культ огня. Его одаривали тем, что, по мнению древних, могло понравиться богу: цветами, фруктами, благовониями, вином. Его считали могущественным, а потому просили покровительства. К нему обращались с горячими молитвами в надежде обрести то, в чем всегда нуждался человек, – здоровье, счастье и богатство. В одной из молитв, дошедших до нас в собрании орфических гимнов, говорится следующее: «Сделай нас вечно процветающими, вечно счастливыми, о огонь; о ты, вечный, прекрасный, всегда юный, ты, питающий нас, прими благосклонно наши подношения и одари нас в ответ счастьем и здоровьем».

Итак, люди видели в огне благодетельного бога, который помогал выжить, богатого бога, который не скупился на дары, сильного бога, оберегавшего дом и семью. В минуту опасности к огню устремлялись в поисках убежища. Когда враги захватили город и ворвались во дворец, Гекуба, увидев Приама в доспехах, сказала: «Что за умысел страшный это оружие взять тебя заставил? Нет, не в таком подкрепленье, увы, не в таких ратоборцах время нуждается! <...> Так отойди же сюда! Защитит нас жертвенник этот, или же вместе умрем». И, промолвив, она привлекает старца к себе и сажает его в укрытие священном»¹³.

Алкеста, пожертвовавшая собой ради спасения мужа, чувствуя, как из нее уходит жизнь, подходит к алтарю и обращается к жертвенному огню с мольбой: «Богиня, меня Аид в свой

---

¹² У греков было несколько названий алтаря, но чаще его называли «веста», впоследствии это имя получила богиня – покровительница семейного очага и жертвенного огня (в Древнем Риме – Веста, в Греции – Гестия). (Примеч. авт.)

¹³ Вергилий. Энеида. Кн. 2. (Примеч. авт.)

темный дом берет. И я теперь в последний раз припала к тебе: храни моих сирот, молю. Ты сыну дай жену по мысли, мужа дай дочери достойного, и пусть не так, как мать, без времени, а в счастье, свершивши путь житейский и вкусив его усад, в земле починут отчей»¹⁴.

Если случалась беда, человек, обращаясь к жертвенному огню, засыпал его упреками, но в удачные дни он благодарил огонь. Воин, вернувшийся с поля брани, благодарил огонь за то, что тот позволил ему избежать опасностей. Эсхил рассказывает о возвращении Агамемнона из Трои, счастливого, покрывшего себя славой. Но первым делом он идет благодарить за это не Юпитера, он идет не в храм, чтобы излить там свою радость и благодарность, а в свой дом к алтарю, где приносит благодарственное жертвоприношение. «Теперь в покои, к очагу проследуем и первым делом воздадим богам хвалу. Они нас охраняли, привели они. Пускай и здесь победа нам сопутствует»¹⁵.

Человек никогда не выходил из дома, не обратившись с молитвой к огню. По возвращении, прежде чем обнять жену и детей, он обращался с молитвой к огню, горящему на алтаре.

Жертвенный огонь был семейным богом. Его культ был весьма простым. Первое правило заключалось в том, что на алтаре должны были постоянно находиться тлеющие угли; если угасал огонь, то угасал и бог. Ежедневно в определенные часы в огонь подкладывали сухие травы и щепки, и бог являл свое присутствие в ярком пламени. Ему приносили жертвы, чтобы поддерживать священный огонь, то есть питать и давать возможность развиваться богу. Именно по этой причине в огонь в первую очередь подкладывали дерево, затем поливали алтарь вином – легко воспламеняющимся греческим вином, оливковым маслом или жиром жертвенных животных. Бог принимал и поглощал эти жертвы. Сияя от удовольствия, он поднимался над алтарем и своим сиянием освещал тех, кто ему поклонялся. В этот момент человек обращался к нему, и молитва исходила из его сердца.

Прием пищи семьей был религиозным актом. Бог сидел во главе стола. Это он выпекал хлеб и готовил еду, поэтому к нему обращались молитвы перед началом и по окончании трапезы. Прежде чем приступить к еде, на алтарь возлагали «первые плоды»¹⁶.

Никто не сомневался в присутствии бога, в том, что он съест и выпьет все, что ему предложили. Разве не разгорался ярче огонь, получив свою порцию пищи? Таким образом человек разделял трапезу с богом. Это был священный ритуал, с помощью которого человек общался с богом. С течением времени древние верования забылись, но еще долго оставались обычаи и обряды, без которых не мог обойтись даже неверующий человек. Гораций, Овидий, Петроний ужинали перед очагом, совершали возлияния вина и обращали молитвы к огню¹⁷.

Культ священного огня исповедовали не только жители Греции и Италии. Мы находим этот культ и на Востоке. «Законы Ману», в том виде, в котором они дошли до нас, представляют сформировавшийся культ Брахмы, однако они сохранили свидетельства о более древней религии – культе священного огня, который культ Брахмы отодвинул на второй план, но не смог полностью уничтожить. Брахман (или брамин) поддерживает негасимый огонь, ежедневно утром и вечером подпитывая его щепками; как и у греков, дерево может быть только определенной породы. Греки и итальянцы возливали на алтарь вино, а индусы хмельной напиток под названием «сома»¹⁸.

¹⁴ Еврипид. Алкеста. (Пер. И. Анненского.)

¹⁵ Эсхил. Агамемнон. (Пер. С. Анта.)

¹⁶ Понятие «первые плоды» применимо не только к хлебу и вину, но также к виноградным гроздьям, возлагаемым на алтарь.

¹⁷ «Ладан подай мне, слуга, чтобы стало пламя пышнее, и возлияний вино пусть на огне зашипит». Овидий. Скорбные элегии. (Пер. С. Шервинского.)

¹⁸ Сомы, или Хаома – опьяняющий напиток, обладавший галлюциногенными свойствами. В древнеиндийской мифологии божественный напиток и божество этого напитка (позже и луны) – Сомы. По числу упоминаний в Ригведе Сомы стоит среди богов на третьем месте (после Индры и Агни). Мифологический образ Сомы, как и культ растения и напитка, индоиранского происхождения. В древнеиндийской религиозной практике приготовление сока Сомы составляло содержание особого ритуала.

Прием пищи тоже являлся священнодействием, и связанные с ним ритуалы описаны в «Законах Ману». Индусы, как и греки, обращались с молитвой к огню; ему предлагались «первые плоды». В «Законах Ману» написано: «Дважды рожденный (брахман), поддерживающий священный огонь, не принеся жертвы новым зерном и животными, пусть не вкушает новую пищу из зерна или мяса, если он желает прожить долгую жизнь, ибо его огни, не будучи почтены новым (зерном) и приношением животных, жаждущие нового зерна и мяса, стараются присвоить (его) жизненные силы». Индусы, как греки и латины, считали, что боги жаждут не только почестей и уважения, но и пищи и напитков. Человек верил, что должен утолять их голод и жажду, если хочет избежать гнева богов.

Индийский бог огня носил имя Агни. Почти все книги Ригведы начинаются с гимнов Агни. Огонь у индусов, как и у греков, покровительствующее божество. «О Агни, ты жизненная сила, ты наш защитник... Защити от обмана безбожника! Защити от вредящего или желающего убить... За подношения и восхваления дай нам славу и богатство... О Агни, мудрый защитник и наш отец... Мы хотим, о Агни, почитать тебя гимнами, жертвенными возлияниями. Для нас возбуди богатство, состоящее из всего желанного! Нас надели всеми благами! <...> Тебе мы обязаны жизнью, мы твоя семья...» К Агни обращался человек с просьбой об урожае: «Сделай так, чтобы земля всегда была щедрой». У Агни человек просил здоровья: «О Агни, дай мне долго наслаждаться жизнью и приблизиться к старости, как солнце к закату». К Агни даже зывали о мудрости: «О Агни, ты наставляешь на истинный путь человека, который блуждал в потемках... Если мы совершим грех, если удалимся от тебя, прости нас». Огонь в очаге, как и в Греции, был чистым; запрещалось бросать в огонь грязное и даже греть над ним ноги. Как и в Греции, человек, совершивший проступок, не имел права приближаться к очагу до тех пор, пока не искупит вину.

Убедительным доказательством того, что эти верования восходят к глубокой древности, служит факт их одновременного существования у народов, живших на берегах Средиземного моря, и у обитателей полуострова Индостан. Конечно, ни греки не заимствовали эту религию у индусов, ни индусы не заимствовали ее у греков. Однако греки, итальянцы (латины) и индусы принадлежали к одной расе; их предки в глубокой древности вместе жили на территории Центральной Азии. Именно там зародились эти верования и возникли связанные с ними обряды. Поклонение священному огню относится к тем далеким временам, когда не было ни греков, ни итальянцев, ни индусов, а были только арии. Когда племена разделились, то каждый народ унес этот культ с собой: одни на берега Ганга, другие на побережье Средиземного моря. Позже одни из этих разделившихся народов, полностью утративших связь друг с другом, стали поклоняться Брахме, другие Зевсу, третьи Янусу; каждая общность создала своих богов, но все они сохранили, как древний завет, религию, выпестованную в общей колыбели их расы.

Если существование этого культа у всех индоевропейских народов не кажется достаточно убедительным доказательством его раннего происхождения, то можно найти другие доказательства, обратившись к религиозным ритуалам греков и римлян. Во всех жертвоприношениях, даже совершаемых в честь Зевса или Афины, с первой молитвой всегда обращались к огню. Все молитвы, обращенные к любому богу, начинались и заканчивались молитвой к огню. В Олимпии первая жертва, которую совершала вся Греция, приносилась очагу, а вторая Зевсу. Точно так же и в Риме первую молитву всегда обращали к Весте, которая является не чем иным, как священным огнем. Овидий пишет, что это божество занимало первое место в религиозных ритуалах. В гимнах Ригведы мы тоже находим, что прежде всех прочих богов надлежит обращаться к Агни. Его достойное почитания имя произносится прежде имен всех бессмертных. «О Агни, только та жертва и тот обряд, который ты охватываешь со всех сторон,

---

Стебли сомы (растение точно идентифицировать не удастся) вымачивали в воде, выжимали с помощью давящих камней, процеживали через сито из овечьей шерсти, разбавляли водой, смешивали с молоком или ячменем и разливали по деревянным сосудам.

идут к богам». Таким образом, и во времена Овидия в Риме, и в Индии во времена брахманов огонь очага занимал главенствующее положение среди всех богов, но не потому, что Юпитер и Брахма не приобрели большого значения в религии, а потому, что люди помнили, что священный огонь старше остальных богов. На протяжении многих столетий огонь занимал первое место в религиозных ритуалах, и новые, более значимые боги не могли оттеснить его с этого места.

Религиозные представления с веками подвергались изменениям. Когда у народов Греции и Италии вошло в привычку представлять богов в качестве личностей, придавая им человеческий образ и наделяя каждого собственным именем, древний культ огня подчинился общему правилу, по которому в этот период человеческий разум перекраивал религию. Алтарь священного огня был персонифицирован. Его называли Vesta – Веста; в общем древнем языке это слово означало не что иное, как алтарь. Как это часто бывает, имя нарицательное превратилось в имя собственное. Постепенно сложилась легенда. Божество стали представлять в образе женщины, поскольку слово, обозначающее алтарь, было женского рода. Затем появились статуи, изображавшие богиню, но так никогда и не изгладились следы первоначального верования, согласно которому это божество было огнем, горевшим на алтаре. Сам Овидий был вынужден признать, что Веста «живое пламя». «Помни, что Веста – не что иное, как пламя живое, а из огня никогда не возникают тела»¹⁹

Если сравнить культ священного огня с культом мертвых, то между ними обнаружится тесная взаимосвязь.

В первую очередь следует отметить, что огонь, который поддерживали на очаге, не был в представлении человека вещественным по своей природе. Люди видели в нем не просто физическое явление, согревающее или сжигающее, изменяющее тела, плавящее металлы и являющееся могучим орудием человеческой деятельности. Священный огонь совершенно иной по своей природе. Это чистый огонь, который можно получить исключительно при выполнении определенных ритуалов, и для его поддержания разрешалось использовать только специальные породы дерева. Это девственный огонь, который не допускал разнополого союза. У этого огня просили не только богатства и здоровья, но и чистого сердца, умеренности во всем и мудрости. «Сделай нас богатыми и процветающими, – говорится в одном орфическом гимне, – сделай нас также мудрыми и целомудренными». Огонь очага, следовательно, является своего рода нравственным существом; он освещает, согревает, готовит пищу, но в то же время обладает мышлением и совестью. Он осведомлен о людских обязанностях и следит за их выполнением. О нем можно говорить как о человеке, поскольку у него, как и у человека, двойственная природа. В физическом аспекте – он светится, движется, живет, обеспечивает достаток, готовит пищу, питает тело; в нравственном аспекте – он наделен чувствами и привязанностями, очищает и питает человеческую душу, наставляет на путь добра. Он одновременно является источником богатства, здоровья и нравственности. Это воистину бог человеческой природы. Позже, когда этот культ был оттеснен на второй план Брахмой и Зевсом, огонь очага по-прежнему оставался для человека самым понятным божеством. Он стал посредником между человеком и богами физической природы, на него была возложена обязанность возносить небесам молитвы и жертвоприношения и приносить оттуда людям божественные милости. Позже из мифа священного огня возникла великая Веста, богиня-девственница. Она не олицетворяла ни плодородие, ни могущество; она стала олицетворением порядка, но не строгого, чисто математического порядка, категорического и непреложного закона, который издавна был замечен среди явлений физической природы. Она стала нравственным порядком. Весту представляли в виде некой мировой души, упорядочивающей движение различных миров, подобно тому, как человеческая душа управляет нашими органами.

¹⁹ Овидий. Фасты. (Примеч. авт.)

Таким образом, за всем этим прослеживается мыслительная деятельность древнейших поколений. Суть этого культа вне физической природы, она кроется в том таинственном мире, имя которому – человек.

Это возвращает нас к культу мертвых. Оба культа уходят корнями в глубокую древность и связаны настолько тесно, что древние свели их в одну религию. Перемешались между собой демоны домашнего очага, герои, лары. Согласно Плавту и Колумелу, в обиходе не проводилось различий между очагом и домашним ларом, а во времена Цицерона не было различий ни между огнем очага и пенатами, ни между пенатами и ларами. Сервий пишет: «Древние олицетворяли очаг с ларами», а Вергилий, не видя разницы, пишет то «очаг», то «пенаты». В «Энеиде» Гектор говорит Энею: «Троя вручает тебе пенатов своих и святыни: в спутники судеб твоих ты возьми их, стены найди им, ибо, объехав моря, ты воздвигнешь город великий». Вымолвив так, своею рукой выносит он Весту, вечный огонь и повязки ее из священных убежищ»²⁰

Эней, взывая к тем же богам, называет их пенатами, ларами и Вестой.

Мы уже выяснили, что те, кого древние люди называли ларами или героями, были душами умерших, которым приписывалось сверхчеловеческое божественное могущество. Воспоминание об умершем всегда было связано с огнем очага. Поклоняясь одному, нельзя было забывать о другом. Они были связаны в почитании и в молитвах. Потомки, говоря об очаге, вспоминали имена предков. Так Орест, обращаясь к сестре, призывает ее вернуться к древнему очагу Пелопса, а Асканий, сын Энея, говоря о священном огне, называет его ларом Ассарака, словно видит в этом огне душу своего предка: «Молю вас Весты седой очагом, Ассарака ларом, святыней наших пенатов».

Латинский грамматик Сервий, обладавший глубокими познаниями, особенно по древнеримским государственным и религиозным древностям, греческой и италийской мифологии, истории старинного латинского языка, пишет, что в глубокой древности существовал обычай хоронить умерших в их домах, и добавляет, что «благодаря этому обычаю ларам и пенатам поклонялись в доме». Эта фраза дает ясное представление о связи между культом мертвых и культом огня домашнего очага. Можно предположить, что поначалу домашний очаг был символом культа мертвых, под каменным очагом покоился предок, и в его честь был зажжен огонь. Этот огонь поддерживал в нем жизнь и олицетворял его душу.

Это не более чем догадка, ведь у нас нет никаких доказательств. Зато доподлинно известно, что древние племена, из которых вышли греки и римляне, поклонявшиеся умершим и огню очага, исповедовали религию, нашедшую богов не в явлениях природы, а в самом человеке. Объектом поклонения была некая невидимая, находящаяся в нас самих, духовная сила, которая оживляет наши тела и управляет ими.

Через какое-то время эта религия стала утрачивать власть над душой; и, хотя ее власть постепенно ослабевает, но все-таки полностью не исчезает. Современница первых веков арийской расы, эта древнейшая религия так глубоко укоренилась в душе человека, что «даже блестящая религия лучезарного греческого Олимпа была не в силах искоренить ее; для этого понадобилось христианство». Вскоре мы увидим, какое огромное влияние оказала эта религия на социальные институты древности. Эта религия возникла в те далекие времена, когда индоевропейская раса только приступила к формированию институтов и определила направление развития народов.

²⁰ Вергилий. Энеида. (Пер. С. Ошерова.)

Глава 4

ДОМАШНЯЯ РЕЛИГИЯ

Не следует думать, что эта древняя религия была похожа на те религии, которые возникли на более высоких ступенях развития цивилизации. Изучение многовековой истории человечества показало, что люди готовы признать любую религиозную доктрину только при соблюдении двух условий. Во-первых, бог должен быть один, и, во-вторых, религия должна охватывать все классы общества без исключения, быть доступной каждому человеку. Примитивная религия не соблюдала этих условий. Она не только не давала людям возможности поклоняться единому богу, но и сами боги не принимали поклонения всех людей. Они не являлись богами всего рода человеческого. Они даже не были похожи ни на Брахму, который, по крайней мере, был богом большой касты, ни на Зевса, являвшегося богом целого народа. В примитивной религии каждая семья могла почитать своего бога. Религия была исключительно домашней, семейной.

Необходимо уяснить этот важный момент, иначе будет сложно понять тесную связь, существовавшую между древними верованиями и укладом греческой и римской семьи.

Култ мертвых никоим образом не походил на почитание христианами святых. Одно из первых правил этого культа заключалось в том, что каждая семья могла поклоняться только тем умершим, кто являлся ее родственниками по крови. Только ближайший родственник должен был неукоснительно соблюдать погребальный обряд. Что касается ритуала жертвенных подношений, происходившего в установленные дни, то присутствовать могли только члены семьи; категорически исключалось присутствие посторонних лиц. Считалось, что умерший принимает подношения только из рук родственников и хочет, чтобы его почитали только потомки. Присутствие посторонних, не являвшихся членами семьи, нарушало покой манов. По этой причине посторонним было запрещено подходить к могиле. Человек, даже случайно коснувшийся ногой могилы, должен был умиловить усопшего и очистить себя, поскольку подобный поступок считался нечестивым. Слово, которым древние обозначали култ мертвых (латины называли его *paterfamilias*), свидетельствует о патриархальном укладе семьи. Отец, единственный истолкователь своей религии и единственный верховный жрец своей семьи, мог обучать ей только своего сына. Култ мертвых был не чем иным, как культом предков²¹

Нам совершенно ясно, что Лукиан высмеивал суеверия своих современников, когда говорил, что после смерти человек, не оставивший сына, не будет получать подношений, а значит, обречен на вечный голод.

В Индии, как и в Греции, подношения умершему могли делать только прямые потомки. У индусов постороннему, даже если это был друг, запрещалось присутствовать на поминальной трапезе. Закон был столь суров относительно подношений, которые должны делать только ближайшие родственники, что даже выдвигалось предположение, будто маны часто обращались с такой просьбой: «Пусть один за другим родятся в нашем роду сыновья, которые во все времена смогут предлагать нам рис, сваренный на молоке, с медом и маслом»²²

Из этого следует, что в Греции и Риме, как и в Индии, на сына была возложена обязанность совершать возлияния и приносить жертвы манам отца и всем предкам. Пренебрежение сыновним долгом считалось проявлением непочтительности, самым тяжелым проступком, какой мог совершить человек, поскольку несоблюдение культа сказывалось на всех умерших предках. Такое отношение приравнивалось к отцеубийству, причем помноженному на число всех умерших предков.

---

²¹ По крайней мере, вначале. Позже в городах появились свои местные герои, но об этом мы поговорим чуть позже. (Примеч. авт.)

²² Законы Ману. Гл. III. (Примеч. авт.)

Но если жертвы всегда приносились в полном соответствии с установленным ритуалом, если еду приносили на могилу в назначенные дни, то умерший становился богом-покровителем.

Враждебно относившийся ко всем посторонним, он отгонял их от могилы и насылал болезни, если они все-таки подходили, но всегда с добротой и вниманием относился к членам своей семьи.

В каждой семье между живыми и умершими происходил взаимный обмен добрыми услугами. Умерший предок получал от потомка поминальные подношения, то есть то единственное удовольствие, которое было доступно ему в загробной жизни. Живые не могли обходиться без умерших, а умершие без живых. Таким образом, между всеми поколениями одной семьи устанавливалась крепкая связь, которая навечно превращала их в неделимое целое.

У каждой семьи была своя могила, куда один за другим отправлялись на покой умершие члены семьи. Могила, как правило, находилась рядом с домом, недалеко от двери, с тем чтобы «сыновья, входя и выходя из дома, всегда могли обратиться к отцам с просьбой». Таким образом, умерший всегда оставался в кругу семьи; невидимый, он и после смерти был членом семьи, ее отцом. Бессмертный, счастливый, божественный, он продолжал принимать участие в делах и интересоваться всем, что происходило в земной жизни его семьи. Он знал нужды членов семьи и поддерживал их в минуту слабости, а рядом с тем, кто жил, трудился, кто, по древнему выражению, еще не выполнил жизненный долг, были советчики и помощники – его предки. В трудную минуту он прибегал к их мудрости; в горе просил у них утешения; он молил их о помощи в критические моменты и просил прощения за совершенные ошибки.

Сейчас нам трудно представить, как мог человек поклоняться отцу или своим предкам. Нам кажется неприемлемым с точки зрения религии делать из человека – бога. Нам почти так же трудно понять древние верования этих людей, как было бы им сложно представить себе нашу религию. Для них таинство рождения было тем же, чем для нас загадка мироздания. Глава родовой группы казался членам рода божественным существом, по этой причине они поклонялись своему предку. Они испытывали искреннее, очень сильное чувство по отношению к предкам, которое и легло в основу религии всех человеческих сообществ. Мы находим его у китайцев и у древних готов и скифов, у африканских племен и народов Нового Света²³

Священный огонь, тесно связанный с культом мертвых, отличался важным свойством – он являлся собственностью только одной семьи. Огонь олицетворял предков и не имел ничего общего с огнем другой семьи. Семейный огонь защищал только свою семью и отвергал посторонних. Вся эта религия заключалась в недрах дома. Не было публичных отправлений религиозных обрядов; наоборот, все религиозные церемонии совершались только в тесном семейном кругу. Очаг никогда не помещался вне дома, ни даже у наружной двери, где посторонний мог его слишком легко видеть. Греки всегда помещали очаг за оградой, защищавшей огонь от соприкосновения и даже от взоров посторонних. Римляне скрывали его во внутренней части дома. Все эти боги, очаг, лары, маны назывались священными, личными богами. Все обряды этой религии должны были совершаться в глубокой тайне; если религиозная церемония была замечена посторонним, то от одного его взгляда она считалась нарушенной и оскверненной.

Для домашней религии не существовало ни единых правил, ни общего ритуала. Каждая семья сама устанавливала свой культ и правила совершения обрядов. Отец был единовластным жрецом. Римские понтифики или афинские архонты могли поинтересоваться, соблюдает ли отец семьи религиозные обряды, но не имели права вносить изменения в установленный отцом ритуал. *Suo quisque ritu sacrificia faciat* – каждый совершает жертвоприношение по своему обряду. У каждой семьи были свои религиозные обряды, принадлежавшие только ей, свои

²³ У этрусков и римлян существовал обычай помещать в ниши атриума изображения умерших (бюсты, восковые маски). Что это было: обычные семейные реликвии или идолы, которым поклонялись? (Примеч. авт.)

молитвы и гимны. Отец, единственный толкователь религии и единственный жрец семьи, имел право обучать религии, но только своего сына. Обряды, молитвы, гимны, составлявшие основную часть домашней религии, были родовым наследием, священной собственностью семьи, которой ни с кем нельзя было делиться; строго запрещалось посвящать в нее посторонних. Это относится и к Индии. «Гимны, которые передал мне отец, укрепляют меня против врагов», – говорит брахман.

Таким образом, религиозными центрами были не храмы, а жилища; у каждого дома был свой бог; каждый бог покровительствовал только одной семье и был богом только в одном доме. У нас нет достаточных оснований считать, что эта религия придумана человеком, обладавшим сильным воображением, или кастой жрецов. Она спонтанно зародилась в умах людей, ее истоки кроются в семье; каждая семья создавала собственных богов.

Эта религия могла передаваться только внутри семьи. Отец, давая жизнь сыну, одновременно передавал ему свою веру, культ, право поддерживать священный огонь, совершать поминальные приношения, произносить молитвы. Рождение устанавливало таинственную связь между младенцем, вышедшим в жизнь, и всеми семейными богами. Семейей родившегося ребенка были боги, в его жилах текла их кровь. С момента рождения ребенок получал право поклоняться богам и приносить им жертвы. Когда наступал его смертный час, он, обожествленный смертью, причислялся к богам своей семьи и становился объектом поклонения.

Однако следует отметить, что особенность домашней религии заключалась в том, что она передавалась только от мужчины к мужчине.

Это происходило, безусловно, от представления древних о том, что зарождение новой жизни связано исключительно с мужчиной. Отголоски этой древнейшей веры, отраженной в Ведах, мы находим в греческих и римских законах. По мнению древних, производительная сила заключалась исключительно в отце. Только отец обладал знанием таинства рождения и мог передать искру жизни. Следствием этого представления стало правило передавать «домашнюю религию от мужчины к мужчине и допускать к участию в ней женщину только через посредство отца или мужа, отсюда произошло и то, наконец, что по смерти она не имела равной доли с мужчиной в культе и жертвенных приношениях».

Далее мы рассмотрим важные последствия этого представления древних, оказавшего влияние на закон о праве собственности и строй семьи.

Часть вторая СЕМЬЯ

Глава 1 РЕЛИГИЯ ЗАЛОЖИЛА ОСНОВЫ ДРЕВНЕЙ СЕМЬИ

Если мы мысленно перенесемся в далекие времена, то увидим в каждом доме алтарь, вокруг которого собиралась вся семья. Члены семьи встречали каждое утро молитвой, обращенной к священному огню, а вечером, собравшись у алтаря, возносили огню последнюю молитву. Днем они садились у огня, но, прежде чем приступить к трапезе, читали молитвы и совершали возлияния. Все религиозные обряды сопровождались гимнами, унаследованными от отцов, которые вся семья пела хором.

Рядом с домом находилась семейная могила – второй дом семьи. В ней вместе покоились несколько поколений предков; смерть не разлучала их. Они вместе жили в загробном мире, продолжая составлять одну неделимую семью²⁴

Лишь небольшое расстояние, каких-нибудь несколько шагов, отделяет дом от могилы, живых членов семьи от умерших. В определенные дни, которые в каждой семье устанавливались в зависимости от ее домашней религии, живые, собравшись у могилы предков, совершали возлияния молока и вина, выкладывали на могилу хлеб и фрукты, сжигали жертву. Взамен они просили предков, называя их богами, оказать покровительство, ниспослать плодородие полям, даровать процветание дому.

Но одно только рождение детей не являлось основой древней семьи. Дело в том, что сестра не имела тех же прав, что брат; освободившийся от родительской опеки сын и вышедшая замуж дочь уже не являлись членами семьи. И наконец, в подтверждение сказанного, существовало несколько существенных условий в греческом и римском законодательстве, которые мы рассмотрим дальше.

Естественное чувство привязанности тоже не служило основой древней семьи; греческое и римское право не принимало в расчет это чувство. Отец мог испытывать нежные чувства к дочери, но не имел права делать ее своей наследницей. Законы наследования, то есть те законы, которые наиболее ярко отражают представления древних людей о семье, находятся в явном противоречии и с продолжением рода, и с чувством естественной привязанности²⁵

Историки, изучающие римское право, справедливо отметив, что ни факт рождения, ни родственные привязанности не служат фундаментом римской семьи, приходят к выводу, что в основе семьи лежит власть отца или мужа. На этом основании они создают первую структуру власти, но не объясняют, каким образом была учреждена эта власть, разве только благодаря превосходству силы мужа над женой и отца над детьми. Но мы жестоко ошибемся, если решим, что в основании права лежала сила. Дальше мы увидим, что родительская и супружеская власть

---

²⁴ Существует бесспорное доказательство использования древними семейных могил. Есть древняя история, в которой рассказывается о необходимости всех умерших членов семьи хоронить в семейной могиле. Во время войн между Спартой и Мессенией у воинов на правой руке была табличка с собственным именем и именем отца, чтобы можно было опознать погибших на поле боя и захоронить их в семейных могилах. На этот обычай часто ссылались греческие ораторы, Исей, Лисий, Демосфен, когда доказывали, что такой-то человек принадлежит именно к такой-то семье и обладает правом наследования. (Примеч. авт.)

²⁵ Надо понимать, что здесь мы говорим о древнейшем законе, но скоро мы узнаем, что впоследствии эти законы подверглись изменениям. (Примеч. авт.)

были не первопричиной, а следствием, вытекающим из религии. Следовательно, превосходство в силе не было основой древней семьи.

То, что соединяло членов древней семьи, было нечто более могущественное, чем рождение, чем чувство, чем физическая сила, – это религия очага и предков. Религия формирует семью, делая ее единым организмом и в этой земной жизни, и в будущей, загробной. Древняя семья была скорее религиозным, а не родственным сообществом. Чуть позже мы узнаем, что женщина входила в семью только потому, что священный обряд брака посвящал ее в культ; что сын переставал считаться членом семьи, если он отказывался от культа или освобождался от родительской опеки, в то время как усыновленный, наоборот, делался истинным сыном, потому что, хотя его и не связывали с усыновившей семьей узы крови, соединяло нечто более важное – общность культа; что наследник, который отказывался принять культ наследователя, терял право наследства; и, наконец, родственные отношения и права на наследование устанавливались не в силу рождения, а в силу тех прав, установленных религией, которые член семьи имел на участие в культе. Конечно, не религия создала семью, но она, безусловно, диктовала семье свои правила, а потому строй древней семьи отличался от того, каким бы он был, если бы в основе его лежали естественные (родственные) чувства.

В древнегреческом языке есть слово, очень точно передающее смысл, который вкладывался в понятие «семья»; в переводе оно звучит как нечто, находящееся вокруг очага. Семья была группой людей, которым религия позволяла обращаться с молитвой к одному и тому же священному огню и приносить поминальные жертвы одним и тем же предкам.

Глава 2

БРАК

Судя по всему, первым институтом, созданным домашней религией, был брак.

Следует отметить, что культ священного огня и предков, передававшийся от мужчины к мужчине, тем не менее не принадлежал исключительно мужчинам: женщины тоже принимали участие в отправлении культа. Незамужняя дочь принимала участие в религиозных ритуалах, совершаемых отцом, а выйдя замуж – в ритуалах, совершаемых мужем.

Одного этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод о характерной особенности супружеского союза древних народов. Жившие по соседству две семьи имели разных богов. В одной семье девушка с детства принимала участие в религиозных обрядах отца, возносила молитвы его священному огню, ежедневно совершала возлияния огню, в праздничные дни украшала алтарь цветочными гирляндами. Она молила огонь о покровительстве и благодарила его за благодеяния. Ее богом был отеческий очаг. Когда юноша из жившей рядом семьи просил ее в жены, то для девушки это был не просто переход из одного дома в другой, поскольку речь шла об изменении образа жизни. Выйдя замуж, она покидала отеческий очаг и начинала молиться семейному очагу мужа. Ей приходилось забыть о религии, известной с детства, принимать участие в других религиозных обрядах и произносить другие молитвы. Она должна была забыть о боге, знакомом с детства, и обращаться за покровительством к другому, неизвестному ей богу. Она не могла сохранять преданность одному, а почитать другого, поскольку в этой религии существовал непреложный закон: человек не мог молиться двум священным огням и двум группам предков. Выйдя замуж, женщина больше не имеет ничего общего с домашней религией отцов и приносит жертвы очагу своего мужа²⁶

Однако заключение брака было серьезным шагом не только для девушки, но и для юноши, поскольку только человек, рожденный у семейного очага, мог поклоняться священному огню этого очага, а будущая жена родилась у другого очага. Женившись, мужчина приводил к своему очагу чужую женщину, вместе с ней он совершал таинственный культ, объяснял ей значение ритуалов и слова молитв. Одним словом, делился тайнами родового наследия своей семьи. У него не было ничего драгоценнее этого наследия; эти боги, обряды, гимны, полученные от предков, охраняли его, обеспечивали богатством и приносили счастье. Но вместо того, чтобы пользоваться самому этой охраняющей силой, как дикарь своим идолом или амулетом, он делился этой силой с женщиной, ставшей его женой.

Постигая представления древних, мы начинаем понимать, какое большое значение они придавали супружескому союзу и почему столь необходимым было вмешательство религии. Действительно ли было столь необходимо проводить девушку через некий священный обряд для того, чтобы приобщить ее к новой религии? Не было ли это своего рода посвящением, необходимым для того, чтобы она стала жрицей нового священного огня, с которым не была связана с рождения?

Брак был тем священным ритуалом, который давал девушке возможность приобщиться к новой религии. Греческие и римские писатели, говоря о браке, по привычке использовали слово, обозначающее религиозное действие. Поллукс²⁷ живший во времена Марка Аврелия

---

²⁶ Стефан Византийский. Этника. (Примеч. авт.)

²⁷ Поллукс (Полидевк) Юлий – из египетского города Навкратиса, ученик ритора Адриана, известный лексикограф и софист II века н. э. Современники были о нем невысокого мнения; Лукиан жестоко осмеял его в одном из своих диалогов. До нас дошел его словарь *Onomastikon* («Ономастикой») в 10 книгах. Книги являются отдельными трактатами и содержат в себе наиболее важные слова, относящиеся к той или иной теме. Слова, помещенные в словарь, сопровождаются краткими толкованиями. Он был впервые опубликован в 1502 году в Венеции. Схема классификации, принятая в словаре Ю. Поллукса: 1. Боги. Места культа, алтари и храмы. Создание и разрушение. Жрецы. Провидцы и искусство провидения. Благочестие.

Антонина, пишет, что в древние времена вместо того, чтобы называть брак его собственным именем, гамос, его обычно обозначали словом телос, что означает «священная церемония», поскольку брак был преимущественно священным обрядом.

Но религия, освящавшая брак, не была религией Юпитера, Юноны или других богов Олимпа. Брачная церемония происходила не в храме; она совершалась дома и под покровительством домашних богов. Когда господствующее положение стала занимать религия небесных богов, с мольбой также обращались и к богам неба, и впоследствии даже вошло в обычай отправляться предварительно в храмы и приносить этим богам жертвы; это называлось приготовлением к браку. Но основная часть церемонии брака обязательно происходила перед домашним очагом.

У греков обряд бракосочетания состоял, если можно так выразиться, из трех действий. Первое совершалось перед очагом отца, третье у очага мужа, второе было переходом от одного очага к другому.

1. В родительском доме, в присутствии жениха, отец невесты, обычно в окружении всей семьи, приносил жертву. По окончании жертвоприношения он объявлял, произнося священную клятву, что отдает свою дочь в жены присутствующему здесь молодому человеку. Это было необходимо по той причине, что девушка не могла сразу перейти в другой дом, чтобы поклоняться очагу мужа, пока отец не отрешит ее от очага предков. Для того чтобы она могла принять новую религию, ее следовало освободить от всех обязательств перед семьей и религией ее предков.

2. Девушку переводят в дом мужа. Иногда муж сам сопровождает ее. В некоторых городах обязанность привести невесту в дом мужа лежала на одном из тех священнослужителей, которые назывались «вестниками». Обычно невесту сажали на колесницу; ее лицо закрывали покрывалом, на голову надевали венок. У нас еще будет случай убедиться, что венки использовались во всех религиозных церемониях. Невеста была в белом платье. Обязательным цветом одеяний всех участников религиозных обрядов был белый цвет. Процессию возглавлял человек с факелом, который назывался брачным. На всем протяжении пути участники свадебной церемонии пели священный гимн, в котором повторялось имя Гименей. Значение этого гимна было столь велико, что его название получила брачная церемония.

Невеста не может по собственному желанию войти в новый дом. Туда ее должен ввести новобрачный, притворившись, что насильно заставляет невесту войти в дом. Девушка должна была вырываться, звать о помощи, а сопровождающие ее женщины делать вид, что изо всех сил пытаются помочь ей. В чем смысл этого обряда? Символизировал ли он скромность невесты? Маловероятно. Еще не наступил момент, когда следовало демонстрировать скромность, поскольку религиозная церемония начиналась в доме мужа. А может, этот обряд должен был подчеркнуть, что женщина, которая будет приносить жертвы новому очагу, не имеет на это права, что она пришла к чужому очагу не по собственной воле, а была насильно приведена хозяином дома? Как бы то ни было, но после борьбы, разыгранной участниками свадебной процессии, жених вносил невесту в дом на руках, внимательно следя за тем, чтобы ее ноги не коснулись порога.

Но все это лишь приготовление к началу церемонии. Само священнодействие происходит в доме.

вые и безбожники. Короли, купцы, ремесленники. Дом, корабль. Погода. Армия. Лошади и искусство верховой езды. Домашние животные. Сельское хозяйство, плуг, средства перемещения, пчелы. 2. Человек. Возрастные отличия. Рождение человека. Части тела. 3. Пол. Родство. Брак. Дети. Друзья. Господа и рабы. Строительное дело. Географическое положение. Путешествие. Печаль, радость. 4. Образование: грамматика и риторика. Философы и софисты. Поэты и музыканты. Музыкальные инструменты. Танцы, театр. Астрономия. Медицина и болезни. 5. Охота. Собаки. Животные, на которых охотятся. Женские украшения. Мужество, страх. Фармацевтическое дело. Молитва. Слава. 6. Гости. Вино и продукты. Еда. Застольная беседа. 7. Рынок. Купля и продажа. Торговцы. Товары. Деньги. 8. Суд. Судья. Процессы. Наказания. Доносчик. 9. Административное деление. Город. Общественные здания. Игры детей и взрослых. 10. Утварь.

Все входят в дом. Новобрачную подводят к домашнему богу. Ее окропляют очистительной водой. Она прикасается к священному огню. Произносятся молитвы. Затем новобрачные съедают вместе хлеб.

Эта совместная трапеза, которая начиналась и заканчивалась возлиянием и молитвой, устанавливала религиозную связь между супругами, служившую символом супружеского общения и общения супругов с домашними богами.

Обряд бракосочетания у римлян очень напоминал греческий обряд и тоже состоял из трех актов: *traditio, deductio in domum, confarreatio*.

1. *Traditio*. Девушка покидает очаг предков. Поскольку она связана с домашним очагом не по праву рождения, а исключительно через отца семейства, только отец своей властью может отрешить ее от семейного очага. Таким образом, *traditio* – это обязательная церемония.

2. *Deductio in domum*. Девушку ведут в дом жениха. Как в Греции, ее лицо закрыто покрывалом, на голове венок, а во главе шествия несут свадебный факел. Члены процессии поют древний религиозный гимн. Со временем изменения, происходившие с верой и языком, повлекли за собой изменение слов гимна, но священный рефрен не подвергся изменениям. Этим рефреном было слово *Talassie* – Талассий²⁸ значение которого было не более понятно римлянам времен Горация, чем грекам значение слова Гименей, и которое, по всей видимости, составляло священную и неприкосновенную часть древней молитвы.

Свадебная процессия останавливалась перед домом новобрачного. Невесте подавали огонь и воду. Огонь – символ домашнего бога, вода – очистительная вода, служившая семье во время проведения всех религиозных священнодействий. Прежде чем ввести невесту в дом, разыгрывалось, как и в Греции, ее насильственное похищение. Жених должен был на руках аккуратно, чтобы ее ноги не коснулись порога, внести невесту в дом.

3. *Confarreatio*. Новобрачную подводят к очагу, туда, где вокруг священного огня расположились пенаты, все домашние боги, и где находятся изображения предков. Новобрачные, как и в Греции, приносят жертву, совершают возлияние, произносят молитвы и вместе съедают хлеб из пшеничной муки (*panis farreus*).

Этот хлеб, съеденный новобрачными сообща между чтением молитв на глазах семейного бога, и являлся тем обрядом, который соединял в священном союзе мужа и жену. С этого момента они соединялись в одном культе. У жены были те же боги, те же обряды, те же молитвы и те же праздники, что и у мужа. Отсюда происходит то древнее определение брака, данное Модестином²⁹ которое сохранили для нас правоведы: *conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio* (союз мужа и жены, объединение всей жизни, общность божественного и человеческого права).

Это значит, что жена принимает религию мужа, та самая жена, которую, по выражению Платона, сами боги ввели в дом мужа.

---

²⁸ «XV. Говорят, между похищенными тогда девушками выделялась одна своею замечательною красотою и высоким ростом. Какие-то простолюдины повели девушку с собой, как вдруг им попало навстречу несколько знатных мужей, которые стали отнимать ее. Похитители стали кричать, что ведут ее к Талассию, молодому человеку, уважаемому за свои нравственные качества. Услышав это, защитники девушки стали выражать ему добрые пожелания и на радостях хлопать в ладоши, некоторые же даже вернулись обратно и пошли следом за провожаемыми в знак любви и уважения к Талассию, выкрикивая его имя. Вот почему римляне до сих пор еще во время свадьбы употребляют припев: «Талассий!», как греки «Гименей!». Говорят, Талассий был счастлив в браке. Карфагенянин Секстий Сулла, высокообразованный человек, говорил мне, что этот крик Ромул назначил как сигнал похищения. Все уводившие девушек кричали: «Талассий!» – обычай, оставшийся вследствие этого и при свадьбах» (*Плутарх*. Тесей и Ромул).

²⁹ Модестин Геренний – римский юрист и государственный деятель III века н. э. Учился у известного римского юриста Ульпиана. Являлся автором нескольких юридических сочинений во всех областях права, из которых до нашего времени дошли только отрывки, вошедшие в состав Дигестов (345 фрагментов). Внес заметный вклад в формулирование некоторых вопросов юридической доктрины и практики – в 426 году его трудам законом о цитировании была придана обязательная юридическая сила.

Кроме того, женщина, вступившая в брак, поклоняется умершим, но уже не своим предкам она приносит поминальные жертвы. Теперь она лишена этого права. Брак окончательно отрешил ее от семьи, уничтожил все религиозные отношения с прежней семьей. Теперь она приносит жертвы предкам своего мужа, поскольку стала членом его семьи, а значит, его предки являются теперь ее предками. Брак становится для женщины вторым рождением; теперь она дочь своего мужа. Как говорят юристы – *filiae loco* (на положении дочери). Нельзя принадлежать ни двум семьям, ни двум религиям; жена всецело принадлежит семье мужа и его религии. Позже мы рассмотрим, какое отражение нашел этот закон в праве наследования.

Институт священного брака индоевропейской расы был таким же древним, как домашняя религия, поскольку они не могли существовать друг без друга. Религия учила человека, что супружеский союз – нечто большее чем отношение полов и мимолетная связь и соединял супругов крепкими узами одного и того же культа, одной и той же веры. Кроме того, церемония брака была столь торжественной и порождала столь серьезные последствия, что нет ничего удивительного в том, что в те далекие времена мужчины считали возможным иметь только одну жену. Эта религия не допускала полигамии (многоженства).

Понятно, что подобный брак был нерасторжимым и развод был практически невозможен. Римское право позволяло расторгнуть брак, заключенный в форме *coemptio* или *usus*³⁰.

Но расторжение религиозного брака, *confarreatio*, допускалось в редчайших случаях³¹.

Для расторжения этого брака требовалось выполнение священной церемонии, поскольку только религия могла разорвать те узы, которыми она соединила супругов. Церемония расторжения *confarreatio* называется *diffarreatio*. Пожелавшие развестись супруги в последний раз представляли перед домашним очагом в присутствии жреца и свидетелей. Супругам, как и в день заключения брака, подавали хлеб из пшеничной муки. Но вместо того, чтобы разделить хлеб между собой, супруги отказывались принять его. Затем, вместо молитв, они произносили резкие, злобные, грубые слова, что-то вроде проклятий, с помощью которых жена отрекалась от культа и богов мужа. С этого момента религиозные узы были разорваны. У бывших супругов не было теперь ни общего культа, ни общих интересов. Брак считался расторгнутым.

³⁰ *Coemptio* (купля) – при этом ритуале девушка в присутствии свидетелей символически «выкупалась» женихом у ее отца. *Usus* (по привычке, давности) – при этой форме брака женщина, прожившая безотлучно в доме своего фактического мужа один год, признавалась его законной женой.

³¹ Плиний писал, что «ничего не было священнее уз брака, заключенного таким образом».

Глава 3

ЗАПРЕЩЕНИЕ БЕЗБРАЧИЯ. РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В СЛУЧАЕ БЕСПЛОДИЯ. НЕРАВЕНСТВО МЕЖДУ СЫНОМ И ДОЧЕРЬЮ

Верования, связанные с умершими, и культ мертвых оказали влияние на формирование древней семьи и заложили большую часть правил, связанных с семейными отношениями. Мы уже говорили о том, что умерший считался существом божественным и блаженным, но только в том случае, если живые продолжали регулярно приносить ему поминальную пищу. Если об умершем забывали, то он превращался в несчастного, злобного демона. Когда у древних людей только началось складываться представление о будущей жизни, они не думали о наградах и наказаниях. Они считали, что счастье умершего зависит не от того, какую жизнь он вел во время земного существования, а от отношения к нему живых потомков. Именно поэтому отец ждал от своих родных поминальных подношений, которые должны были обеспечить его манам покой и блаженство.

Это убеждение было основополагающим принципом семейного закона древних народов. Отсюда следовало правило, что в каждой семье должны сменяться поколения за поколениями, не давая угаснуть семейному роду, чтобы потомки могли ухаживать за умершими. В могиле, где продолжалась жизнь, умершие беспокоились только об одном – чтобы не угас их род. Они думали только о том, чтобы на земле всегда был мужчина, родственник им по крови, который мог бы приносить им на могилу поминальные жертвы. Индусы верили, что умершие непрерывно повторяют: «Пусть родятся в нашем потомстве сыновья, которые будут приносить нам рис, молоко и мед». «Предки падут, лишившись поминальных приношений пищи и воды»³².

Пресечение рода, говорили индусы, приводит к уничтожению религии этого рода, и у предков, лишенных приношений, начинается несчастливая жизнь. Народы Греции и Италии долгое время имели такие же представления. Хотя в дошедших до нас письменных источниках мы не находим достаточно ясно выраженных взглядов, как в древних восточных книгах, но их законы достаточно определенно свидетельствуют об их древних верованиях. В Афинах закон возлагал на главного судью города обязанность следить за тем, чтобы не угасла ни одна семья. Точно так же и римский закон был направлен на сохранение семьи. В речи одного афинского оратора говорится, что нет человека, который, зная, что когда-то умрет, столь мало думал о себе, что смог бы оставить семью без потомков, поскольку в этом случае некому было бы воздавать ему все необходимые умершему почести. По этой причине каждый был заинтересован в том, чтобы оставить после себя сына, поскольку от него зависело блаженное бессмертие умершего. Кроме того, это был долг и по отношению к умершим предкам, так как их счастье длилось до тех пор, пока существовала семья. Согласно «Законам Ману» старший сын является тем, «кто рожден для выполнения долга».

Здесь мы коснулись одной из наиболее примечательных особенностей древней семьи. Религия, заложившая фундамент семьи, выдвинула требование о ее вечном существовании.

Если пресекался род, то исчезал его домашний культ. Мы должны составить представление об этих семьях в те времена, когда еще не изменились верования. У каждой семьи была своя религия, свои боги и свято соблюдаемый долг. Благочестивая семья более всего боялась пресечения рода, поскольку в этом случае исчезала семейная религия, угасал священный огонь и все умершие предки предавались забвению и обрекались на вечное страдание. Продолжение рода, а значит, и семейного культа имело первостепенное значение.

---

³² Бхагават-гита. Гл. I. (Примеч. авт.)

В силу подобных взглядов безбрачие являлось непочтительностью и горем. Непочтительностью потому, что тот, кто отказался от брака, подвергал опасности блаженное существование семейных манов, а горем, поскольку человек, не вступивший в брак, после смерти лишался поклонения и не мог познать, чем «наслаждаются маны». И для него самого, и для его предков это было своего рода проклятием.

Можно легко допустить, что долгое время этой веры, в отсутствие законов, было вполне достаточно, чтобы не допускать безбрачия. Но похоже, с появлением законов, безбрачие сразу отнесли к разряду правонарушений, достойных наказания. Дионисий Галикарнасский, исследовавший историю Рима с древнейших времен, утверждает, что обнаружил древний закон, обязывающий жениться молодых людей. «Древний закон предписывал, чтобы всякий гражданин был женат и воспитывал всех своих детей»³³.

Трактат Цицерона «О законах», написанный в форме диалога, содержит закон, запрещавший безбрачие. В Спарте³⁴ согласно законам Ликурга³⁵ неженатый мужчина лишался гражданских прав.

Из многочисленных историй известно, что, когда безбрачие перестало преследоваться в законодательном порядке, древний обычай в отношении безбрачия продолжал существовать. Согласно Поллуксу, во многих греческих городах закон предусматривал наказание за безбрачие как за совершенное преступление, что находилось в соответствии с древними верованиями: человек не принадлежал себе – он принадлежал семье. Он не случайно родился; его произвели на свет для продолжения культа, и он не имел права уйти из жизни, не удостоверившись, что культ будет продолжаться после его смерти.

Но было недостаточно просто родить сына. Сын, которому предстояло стать продолжателем домашней религии, должен был являться ребенком, родившимся в результате заключения религиозного брака. Незаконнорожденный, внебрачный сын, тот, кого римляне называли *spurius*, не мог исполнять той роли, которую религия отводила сыну. Фактически сами по себе узы крови не являлись определяющим фактором при создании семьи; членов семьи должен был связывать общий культ. Таким образом, сын, рожденный от женщины, не связанной с культом мужа брачной церемонией, не мог принимать участие в культе отца. Он не имел права совершать поминальные приношения и не мог быть продолжателем семьи. Далее мы увидим, что по этой же причине он не имел прав на наследство.

Итак, брак был обязателен, но целью его было не получение удовольствий, его основной задачей не было соединение двоих людей, которые испытывали взаимное влечение и желали вместе пройти через испытания, уготованные на жизненном пути, и разделить радость и горе. Цель брака с точки зрения религии и законов заключалась в объединении двоих людей в одном домашнем культе для появления на свет третьего, способного стать продолжателем домашнего культа. Прекрасной иллюстрацией вышесказанного служит священная формула, произносившаяся в процессе обряда бракосочетания. «*Uxorem ne liberorum quaerendorum habes?*» («Для рождения ли детей берешь жену?») – спрашивал римский цензор мужчину и только после утвердительного ответа признавал его брак как *matrimonium iustum* (брак законный). Греки, как и римляне, видели сущность брака в рождении детей.

Поскольку брак заключался исключительно ради продолжения рода, он мог быть расторгнут из-за бесплодия жены. В этом случае у древних народов всегда существовало право на развод; вполне возможно, что развод был даже обязательным. В Индии развод с бесплодной

³³ Дионисий Галикарнасский – греческий историк I века до н. э., ритор и критик, современник Юлия Цезаря. Его главный труд «Римские древности» в 20 книгах, в которых рассказана история Рима с древнейших времен до 1-й Пунической войны.

³⁴ Спарта, или Лакедемон – древнее государство в Греции в области Лакония на юге полуострова Пелопоннес, в долине реки Эвротас. В качестве официального названия Спарты почти всегда употреблялось название Лакедемон.

³⁵ Ликург – законодатель Древней Спарты. По словам Плутарха, запретил спартамцам иметь писанные законы: его законы были сформулированы в виде кратких изречений, ретр, и заучивались наизусть. Одну из таких ретр сохранил нам Плутарх.

женой по истечении восьми лет был обязателен. У нас нет письменных свидетельств, доказывающих существование подобных постановлений в Греции и Риме. Однако Геродот упоминает о двух спартанских царях, которые были вынуждены развестись с женами из-за их бесплодия. Что касается Рима, то всем известна история Карвилия Руги. Римский историк Авл Геллий в своих анналах сообщает, что в Древнем Риме вследствие строгости нравов на протяжении долгого времени не было ни одного случая развода, и первым развелся с женой патриций Карвилий Руга вследствие ее бесплодия. Он горячо любил свою жену, но считал долгом развестись с ней, так как его клятвенное брачное обещание гласило, что он женится для того, чтобы иметь детей.

Религия требовала, чтобы род не пресекался; это требование не принимало в расчет ни любви, ни привязанности. Если брак был бесплоден по вине мужа, род тем не менее не должен был пресекаться. В этом случае брат бесплодного мужа брал его жену, и потомство от этого сожития считалось потомством мужа. Рожденный от брата сын считался сыном бесплодного мужа и продолжал его культ. Такими же были законы древних индусов. Об этом говорится в законах Афин и Спарты. Насколько сильна была власть этой религии! Религиозный долг был превыше всего!

Древние законы не останавливались даже перед таким, казалось бы, непреодолимым препятствием, как смерть мужа, предписывая бездетной вдове брак с ближайшим родственником мужа. Сын, родившийся в этом браке, считался сыном покойного. Рождение дочери не достигало цели брака. Действительно, дочь не могла быть продолжательницей семейного культа по той причине, что в день бракосочетания отрекалась от своей семьи и культа отца, входила в семью мужа и принимала его религию. Семья, как и культ, могли продолжаться только через мужское потомство – важное обстоятельство, последствия которого мы рассмотрим дальше.

Следовательно, сын был необходим, его ждали семья, предки и священный огонь. Согласно древним законам индусов, с помощью сына «отец платит долг манам своих предков и обеспечивает себе бессмертие». По мнению греков, сын обладал не меньшей ценностью, поскольку со временем должен был совершать поминальные приношения и сохранять домашнюю религию. Именно по этой причине Эсхил называет сына спасителем отеческого очага.

Появление в семье сына ознаменовывалось религиозным обрядом. Прежде всего, сына должен был признать отец, который, как глава семьи, хозяин дома, блюститель очага и представитель предков, должен был решить, является ли новорожденный членом семьи. Рождение ребенка свидетельство только о физической связи; заявление отца создавало религиозную и нравственную связь. Эта процедура считалась обязательной и в Греции, и в Риме, и в Индии.

Кроме того, сын должен был пройти своего рода обряд посвящения. Этот обряд происходил вскоре после рождения – на девятый день в Риме, на десятый в Греции и на десятый или двенадцатый день в Индии. В назначенный день отец собирал всю семью, созывал свидетелей и приносил жертву семейному огню. Ребенка представляли домашним богам; женщина брала ребенка на руки и быстро обносила его несколько раз вокруг священного огня. Церемония имела двоякую цель. Во-первых, очистить ребенка огнем – то есть снять с него ту нечистоту, которая, по мнению древних, была на нем по той простой причине, что он находился в утробе матери, и, во-вторых, поручить ребенка покровительству домашних богов. С этого момента ребенка принимали в священное сообщество, которое называлось семьей. Ребенок исповедовал ее религию, исполнял ее обряды, имел право произносить молитвы; он почитал предков и со временем сам должен был стать почитаемым предком.

Глава 4

УСЫНОВЛЕНИЕ И ВЫХОД ИЗ-ПОД РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ (ИЗ СЕМЬИ)

Необходимость сохранения семейного культа служила у древних народов основанием закона об усыновлении. Та самая религия, которая обязывала мужчину жениться, расторгать брак в случае бесплодия жены, которая заменяла мужа в случае его бесплодия или преждевременной смерти родственником, давала семье еще одно, последнее средство, возможность избежать страшного несчастья, каковым являлось пресечение рода; этим средством было право на усыновление. Древний законодатель индусов гласит: «Кому природа не дала сына, может усыновить себе постороннего с тем, чтобы не прекращались поминальные приношения»³⁶.

Сохранилась речь афинского оратора Исея³⁷, произнесенная его безымянным клиентом (усыновленным неким Менеклом) на процессе, в котором оспаривалась законность усыновления.

Сначала он объясняет мотивы, которыми руководствовался человек, решившийся на усыновление: «Менекл думал о том, чтобы не остаться без детей, а найти кого-либо, кто бы во время его жизни заботился о его старости, похоронил бы его, когда он умрет, и воздавал бы из года в год надлежащие почести его могиле». Затем объясняет, что произойдет, если суд признает незаконность усыновления, и что произойдет не с ним, усыновленным, а с тем, кто его усыновил. «Если вы не признаете законность моего усыновления, то оставите Менекла, уже умершего, без сына, и, значит, никто не будет приносить жертвы в его честь, никто не будет совершать поминальных приношений, и он останется без культа».

Усыновление означало заботу о сохранении домашней религии, поддержании священного огня, совершении поминальных приношений, спокойствии манов предков. Для усыновления не было никакой иной причины, кроме необходимости не допустить пресечения рода; право на усыновление имел только тот, у кого не было сына. Это четко оговаривалось в законах индусов³⁸.

Не менее точны и законы афинян; доказательством служат речи Демосфена³⁹ о наследстве.

В древних римских законах нет явных свидетельств, указывающих на ограничения в усыновлении. Но нам известно, что во времена Гая у человека могли быть одновременно и сыновья по крови, и усыновленные. Однако во времена Цицерона этот вопрос, похоже, еще не имел законодательной силы, поскольку в одной из речей оратор вопрошает: «Что закон говорит об усыновлении? Он говорит, что человек может усыновить детей, если находится в том возрасте, когда уже не может иметь своих, или в том случае, когда в свое время по каким-либо причинам не смог завести детей. Усыновлением он добивается от официального закона и религии того, что не смог получить от природы». Цицерон выступает против усыновления Клодия на том основании, что усыновивший его человек имеет собственного сына, и заявляет, что подобное усыновление противоречит закону.

---

³⁶ Законы Ману. (Примеч. авт.)

³⁷ Исей – знаменитый афинский оратор. Фактически он был логографом, то есть автором написанных на заказ судебных речей, предназначенных для оглашения в дикастерии (суд в Афинах). Сохранились 11 речей Исея, посвященных делам о спорном наследовании и усыновлении.

³⁸ Законы Ману: «Кому природа не дала сына, может усыновить себе постороннего с тем, чтобы не прекращались могильные жертвы». (Примеч. авт.)

³⁹ Демосфен – один из знаменитейших ораторов Древнего мира. Его главным учителем красноречия был Исей.

После усыновления первым делом сына следовало посвятить в свой культ, «ввести в домашнюю религию в присутствии семейных пенатов, поэтому усыновление совершалось с помощью религиозной церемонии, практически полностью совпадавшей с церемонией, связанной с рождением сына. Новый член семьи допускался к очагу и присоединялся к семейной религии. Теперь боги, священные предметы, обряды, молитвы были у него общие с приемным отцом. О приемном сыне говорили, что он перешел в культ своей новой семьи – *in sacra transit*. И отрекался от культа прежней семьи.

Мы уже знаем, что согласно древним верованиям один и тот же человек не мог приносить жертвы двум очагам и чтить предков двух семей. Старый дом делался для человека чужим, как только он входил в новый. Теперь у него не было ничего общего с очагом, у которого он родился, и он не мог не совершать поминальные приношения своим предкам. Родственные связи были разорваны, первостепенное значение приобретали узы нового родства. Человек стал настолько чуждым своей прежней семье, что в случае смерти его родной отец не имел права устраивать его похороны. Приемный сын не имел права вернуться в семью, в которой родился, и только в том случае, если он оставлял собственного сына в усыновившей его семье, закон разрешал ему вернуться в прежнюю семью. Считалось, что, обеспечив продолжение рода, он может выйти из усыновившей его семьи, но в этом случае он полностью терял связь со своим сыном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.